

Назад к СИ

Жиль Дове

2000

Оглавление

Приложение. Итальянская Левая и Ситуационистский Интернационал: разница акцентов	8
---	---

В 2000 году «общество спектакля» стало сверхмодным понятием, конечно, не настолько популярным и известным, как «классовая борьба» когда-то, но зато вполне социально приемлемым. Более того, ситуационизм сейчас находится в тени своего крупнейшего деятеля, Ги Дебора, которого принято считать последним революционным романтиком, легендой социального и интеллектуального радикализма. В Берлине, в Афинах, в России, везде кое-кто из нас должны проникнуть за ширму торжествующей ситуационистской моды, чтобы оценить подлинный вклад Ситуационистского Интернационала (СИ) (1957-1971) в революцию. В то же время активистам и идеологам левацких групп было бы полезно сорвать «марксистские» шторы с глаз, чтобы понять, что Маркс на самом деле говорил, и что он для нас все еще значит.

Ситуационизм показал, что революция невозможна без немедленной всеобщей коммунизации всех сфер человеческой жизнедеятельности, являющейся одним из условий разрушения государственной власти. Действительно, революция подразумевает уничтожение всех отчуждений и разделений и в первую очередь того отчуждения, которое воспроизводит все остальные: работы, как автономной сферы, оторванной от остальной жизни. Все наше существование жестко заключено в рамки логики товара, а при избавлении от наёмного труда всем, даже самым незначительным, аспектам жизни можно придать какой-то иной смысл. То есть освобождение от наемного труда, а значит и «растоваривание» повседневности подразумевают и уничтожение наших навязанных и заученных повседневных реакций, к примеру, того, как мы едим, спим, учимся и забываем, передвигаемся из одного места в другое, зажигаем свет в наших спальнях, имеем отношение к клену, что растет через дорогу и т.д.

Вы скажите, что это общепринятые идеи для нашей среды? Безусловно, но они не были ими всегда и до сих пор не очевидны для многих. Между тем, к тому, что эти простые идеи получили свое распространение, немалую долю усилий приложили как раз деятели СИ. Чтобы понять идеологию самых крайних фракций революционеров того времени достаточно прочитать «Принципы коммунистического производства и распределения», написанные в 1935 голандско-германскими левыми, сторонниками коммунизма рабочих советов, и ощутить пределы и возможности их доктрины. Что же касается итальянской ультралевой, Бордиги и их преемников, то они всегда, в целом верно определяя коммунизм, к сожалению, рассматривали его лишь как программу, которую можно осуществить на практике только после захвата власти революционной партией. Сами вспомните, о чем говорили в 1960-х, когда леваки ломали копья в спорах о «рабочей власти» и определяли социальную трансформацию, как сугубо политический процесс.

Итак, революция — это коммунизация. Понимание этого так же важно, как, например, в свое время был важен отказ после 1918-го от придания революционной роли профсоюзам. Мы не утверждаем, что революционная теория должна меняться каждые тридцать лет, но фактом остается то, что порядочного размера пролетарское меньшинство отвернулось от профсоюзов после начала Первой мировой войны, а другое активное меньшинство поставило своей целью критику повседневной жизни в 60-е и 70-е. Ситуационизм в своем анализе вышел за границы экономики, производства, фабричного цеха и продуктивистской идеологии работы, потому что в то же время от Уотса до Турина пролетарии на самом деле подвергали сомнению систему

труда и собственную жизнь во вне рабочее время. Но одновременно обе эти позиции редко были атакованы теми же группами (имеется в виду два пролетарских направления — пер.): афроамериканцы бунтовали против коммерциализации жизни в гетто, в то время как другие рабочие восстали против того, чтобы быть доведенными до винтиков в механизме, но эти два движения так и не смогли найти друг друга и соединиться. Рабочие отвергают работу с одной стороны, и просят более высокую плату за работу с другой: отказ от наемного труда самого по себе так и не был поставлен в центр сопротивления. Но как бы то ни было, были все-таки предприняты попытки подвергнуть сомнению систему как единое целое, например, в Италии, где рабочие, мужчины и женщины, в 1969 году для своих атак на систему избрали не только рабочие места на производстве, но и транспортные сети, жилищные комплексы, навязанные социально-половые роли. И ситуационизм был одним из путей, в котором это стремление нашло теоретическое выражение.

Здесь ситуационисты до сих пор просвещают нас. Однако именно здесь они открыты и для критики. Предел ситуационизма лежит в пределах именно его сильной стороны — критики товара, которая пытается обращаться к основам существующего положения дел, но так и не достигает их.

Таким образом, ситуационизм одновременно отрицал и принимал левацкую доктрину «коммунистов рабочих советов». Подобно французской группе «Socialism ou Barbarie» (Ги Дебор в начале 60-х гг. был несколько месяцев членом этой группы, — прим. ред.) он рассматривал капитал как систему управления, лишаящую пролетариев любого контроля над их жизнями, и делал вывод о том, что необходимо найти социальный механизм, организационную структуру, позволяющую каждому принимать участие в управлении своей и общественной жизнедеятельностью. Теория «бюрократического капитализма» группы «Socialism ou Barbarie» абсолютизирует бюрократию и превращает ее в более определяющий социальный фактор, чем сам капитал. Ситуационистская теория «общества спектакля» подобным же образом полагала, что спектакль более существенен для современного капитализма, чем сам капитал. (Таким образом вся глубина понимания процесса капиталистического (вос)производства ей достигнута не была. СИ так и не смог осознать центральную роль наемного труда, его характера, собственно пролетарских условий существования в процессе трансформации рабочего из активного и деятельного производителя в пассивного зрителя, — прим. ред.) Последние работы Дебора фактически заново определили капитализм как всесторонне интегрированный спектакль, но его ошибка тянется еще с тех пор, когда он в 1967 г. в своей выдающейся работе «Общество спектакля» ошибочно выдал лишь один аспект явления за все его целое.

Спектакль не является самопричиной. Его причина коренится в производственных отношениях и может быть понята только через более глубокое понимание капитала, а не как-то иначе. Условие возникновения зрелищной формы — разделение труда, его характер, которые превращают рабочего в пассивного наблюдателя своей работы, отчужденного созерцателя продукта своего труда, в конечном итоге, своей жизни. Спектакль — это наше существование, отчужденное в образы, питающимися им, автоматизированное последствие наших социальных действий, прирученных господствующими отношениями. Он начинается с нас, затем отделяется через универсальное представление о товарах. Он становится внешней стороной наших жизней,

потому что наша жизнь постоянно материализует его. (Спектакль — следствие капиталистических отношений, но никак не наоборот. Спектакль и пассивное созерцание — эффекты более фундаментального явления. Они — последствия удовлетворения «потребностей», сконструированных капиталом за последние 150 лет в еде, занятости, жилье и т.п. Теоретическая концепция спектакля, как мотора или сущности современного общества на взгляд Дове так и осталась идеалистической, — прим. ред.)

Акцентирование внимания на спектакле ведет к борьбе за общество без спектакля: согласно ситуационистскому образу мыслей рабочая демократия в форме рабочих советов функционирует как противоядие созерцанию, как лучшая создающая ситуации форма. Ситуационизм искал подлинную демократию, структуру, при которой пролетарии перестали бы быть наблюдателями. Он искал средства (демократия), место (совет) и образ жизни (общественная самоорганизация и самоуправление), которые дали бы возможность людям разорвать оковы пассивности.

На самом деле нет особого противоречия между вариантами ситуационизма Дебора и Ванегейма. И доктрина советов, и радикальный субъективизм акцентируют внимание на самоактивности. И не важно, исходит ли она от рабочего коллектива или от отдельного человека.

«Я думаю, все мои друзья и я были бы довольны втайне работать в Министерстве Досуга на правительство, которое будет находится на длительной заключительной стадии заботы об изменении жизни (...)» (Дебор, Potlatch, # 29, 1957).

Вначале ситуационисты верили в возможность незамедлительных экспериментов с новыми способами существования. Вскоре они поняли, что подобные эксперименты требовали полного коллективного повторного присвоения условий своей жизни. (СИ пришел, таким образом, к пониманию революции не как эгоиндивидуалистического бунта или захвата власти с последующей экспроприации боссов, не как сугубо политико-экономического переустройства, но как радикальной трансформации всех аспектов бытия, — прим. ред.) Они начали с нападения на спектакль как на пассивность и пришли к утверждению коммунизма как активности, деятельности. Это фундаментальное утверждение, которое мы вполне разделяем. Однако в процессе открытия заново этих положений, их недостатком стало предположение, что можно пользоваться самим существующим существованием, отсюда поиск абсолютно нового способа использования жизни.

Этот поиск разных способов проживания человеческой жизни одновременно придал сил и покарал ситуационистскую критику сопротивления.

Было необходимо выставить политический активизм как отчужденную активность, в которой человек подавляет самого себя, свои желания и жертвует собой ради «объективных» задач и цели чуждой его чаяниям и потребностям. Мы все видели примеры самоотверженности по отношению к какой-либо политической группе и/или какого-либо идеологического видения мира, которые приводят к тому, что человек становится невосприимчивым к актуальным событиям и неспособным производить подрывные действия, когда они возможны.

Но только находясь в пределах практики и понимания подлинных и реальных отношений, можно предотвратить развитие слабости отдельного человека, отчужденного самоотрицания и идеологизированного активизма. Но ситуационизм нашел выход в призыве к абсолютной радикальности в течении всех 24-х часов в сутки, заменяя воинственную активистскую мораль столь же неосуществимой и невыносимой радикальной моралью, требующей постоянного подтверждения. Сообщения ситуационистов о своем упадке и развале после 68 печальны: почему получилось так, что едва ли не каждый член СИ не смог соответствовать радикальной ситуационистской мерке. Был ли Ги Дебор единственным, поднявшимся до нее? Может быть, главной ошибкой Дебора было то, что он действовал (и писал) так, как будто он никогда не ошибался.

Издеваясь над ложной скромностью радикалов (называя себя интернационалом) и натравливая спектакль против него самого (знаменитый страсбургский скандал 1967г.), ситуационисты поначалу имели определенный «подрывной» успех. Но их оружие обернулось против них, когда ситуационисты стали использовать рекламные уловки против рекламной системы. Ситуационистское «Останови шоу!» превратилось само в шоу, а у их эпигонов, в конце концов, в обычное позёрство. (Осуждая и обличая спектакль, СИ в то же время возвел в практику использование его против общества, но удар обрушивался зачастую на сам СИ и его теории. Для СИ копирование методов рекламы и скандала превратилось в систематическую контрманипуляцию. Но не существует такой вещи, как антирекламная реклама, — прим. ред.)

Не случайно то, что ситуационизм наслаждался цитированием Макиавелли и Клаузевица. Действительно, ситуационисты верили в то, что немного теории стратегии даст возможность группе смысленных молодых людей победить средства массовой информации в борьбе по их же правилам и революционно повлиять на общественное мнение в том случае, если это совершено с пронциательностью и стилем. Одно это доказывает неправильное понимание общества спектакля. (Вряд ли возможно использование техник системных СМИ, чтобы прояснить их потребителям революционные и освободительные идеи, — прим. ред.)

В 1968-м и до этого ситуационизм обычно находил верное отношение к распространенным фактам, которые необходимо было высмеивать до того, пока мы не сможем революционализировать их. Среди них: политические идеологии, рабочая этика, уважение к культуре, добрая воля левых и тому подобное. Позже, когда ситуационистская активность сошла на нет, от нее не осталось почти ничего, кроме такого подхода к критике, но потом и их критическая теория исказилась под воздействием идеологизации, потворствуя самовосхвалению, идолопоклонничеству советам рабочих, очарованию тайной стороной мировых государственных дел (конспирологией), сюда стоит добавить и неверные анализы событий в Италии и Португалии.

Ситуационизм стал предвестником революции. Безусловно, то, что произошло имело многие черты из тех, которые предугадал ситуационизм. Уличные слоганы Парижа в 68-м или Болоньи в 77-м были эхом статей, опубликованных в изданиях под блестящей обложкой. Но все-таки эти события не были революцией, несмотря на заверения СИ. Всеобщая демократия (и, более того, рабочая демократия) была подрывной мечтой конца 60-х — начала 70-х: вместо осознания этого факта как временного, ситуационисты толковали это как доказательство необходимости советов.

Они оказались неспособными увидеть, что автономное самоуправление заводской борьбой может быть только средством, но никогда не целью, не принципом. (Таким образом, формальное прославление общих собраний и советов, вместо того, чтобы определить содержание их целей, привело СИ, в конце концов, в болото того же самого идеологического формализма, который был и есть болезнью левачества и который они без устали критиковали и высмеивали, — прим. ред.)

Автономия подвела итог духу времени: люди предпочли освобождение себя от давления системы, иногда попытку побега из ее жестких объятий, но не разбить ее вдребезги.

Будущая революция будет скорее сильна не организационным единством пролетариата, но распадом, разобщением того, что день за днем воспроизводит пролетариев как пролетариев. Конечно, этот процесс означает общий сбор и организацию на рабочем месте, но не менее — трансформацию самого рабочего места и выход за его пределы, как и за пределы территориальных сообществ. Коммунизация не будет похожа на хипповый Сан-Франциско в 1966-м, но и не повторит прежние массовые индустриальные сидячие стачки.

Ситуационизм — это синтез доктрины советов и собственных иллюзий о революционном *savoir-vivre* (искусстве жизни), т.е. о подрывном образе повседневной жизни. Он взыскивал мира, где человеческая активность была бы равносильна постоянному удовольствию, и изображал конец работы, как начало бесконечного досуга и страстной игры. СИ так и не смог преодолеть технико-прогрессистского представления о желанности и возможности изобилия, вызванного автоматизацией капиталистического производства.

Из очень небольшого числа групп, которые имели общественное воздействие на «революционную» волну середины 60-х, Ситуационистский Интернационал дал, пожалуй, лучшее практическое и теоретическое определение коммунизма, в том виде, в каком оно могло быть доступным в те времена. Тогда существовала еще исторически непреодолимая несовместимость между «Никогда не работай!» и «Власть рабочим!». Суть ситуационизма заключается в этом противоречии.

Жиль Дове, Июнь 2000

Приложение. Итальянская Левая и Ситуационистский Интернационал: разница акцентов

Итальянская ультралеваая нашла в себе силы вернуться к пониманию коммунизма как отмене рынка посредством уничтожения отдельных предприятий и даже смогла порвать с царящем в марксистской среде культом производительных сил, став во многом предтечей экологического поворота левых. Однако эта тенденция в левом коммунизме, вполне осознавая сущность капитала, так и не сумела осознать огромную подрывную силу конкретных шагов коммунизации. Иначе — она смогла заглянуть в коммунизм, но не увидела средства его достижения. Ее глашатай Амадео Бордига перенес начало коммунистических мер в постреволюционный период, т.е. в период после захвата власти партийным авангардом.

СИ в свою очередь представлял социальную революцию как немедленное и повсеместное растоваривание социальных и межличностных отношений, как выламывание из системы. Он видел этот процесс в пределах человеческих отношений. Действительно, государство не может быть окончательно разрушено военным нападением. Оно с необходимостью связывает атомизированное общество в единое целое и может быть уничтожено лишь подрывом самих общественно-производственных (капиталистических) отношений, которые придают ему силу, устойчивость и необходимость.

СИ сделал ошибку симметричную ошибке Бордиги. Последний кастрировал революцию до программных пунктов, а ситуационизм свел ее до непосредственных межчеловеческих связей. Ни Бордига, ни СИ так и не увидели всю ее широту и целостность. Первый смог определить ее теоретическую сущность, но не смог разобраться в богатстве ее реальных отношений и практических мер. Второй не смог дать ей четкое определение и придать единство ее характеру, представляя его лишь как механическую постепенно складывающуюся сумму частных аспектов. Неспособным к теоретическому осмыслению всей широты и глубины революционной социальной трансформации Бордиге и СИ пришлось обратиться за помощью к формальным организационным паллиативам. Первому — к авангардной партийно-централистской организации, второму — к демократическим советам.

СИ не знал или не принимал идеи Бордиги и итальянской левой из-за их явного проленинистского наследия: партийно-организационного авангардизма, необходимости работы в профсоюзах, определения их подлинными организациями класса и понимания революции как политического акта — захвата партией власти и руководство ею «диктатурой пролетариата». Для бордигистов революция оставалась делом политической власти, которая призвана была трансформировать экономические

отношения. Бордига не видел, что коммунизация и борьба против Государства есть две стороны одного и того же революционного процесса.

Бордига, в свою очередь, всегда враждебно относился к «демократизму» и самоуправлению, как к сугубо капиталистическим принципам, считая демократию «сообществом капитала» и предпочитая ей принцип «органического централизма», противостоящего механическому единству и формализованному вождизму. Сторонников же самоорганизованных рабочих советов считал разновидностью либертарного реформизма и «мелкобуржуазного» анархизма.

Из этих позиций логически следовали и другие существенные противоречия. Бордига и его последователи деперсонализировали, обезличили революционный процесс и его субъекта, отказали угнетенным в самодеятельности. Что потом нашло свое крайнее выражение в культе полной индивидуальной анонимности интеллектуальной практики бордигистских групп и организаций, приводившей к манипуляциям. Ситуационизм по контрасту зачастую ставил в центр освободительного процесса отдельного индивида с его жаждой самореализации, самовыражения и автономии. Это привело во многих случаях к эксцессам элитаризма и эгоизма с его пониманием индивида как центра вселенной.

Синтез же лучших идей этих тенденций в левом коммунизме во времена активности СИ еще не был возможен. Он смог начать реализовываться лишь после бурлящего и все перемешавшего 1968-го.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Жиль Дове
Назад к СИ
2000

Сохранено 2 февраля 2012г. из revsoc.org
Опубликовано в «Автономе» #??

ru.theanarchistlibrary.org